

Чикова В. А. Взаимодействие светского и церковного начал в общественной жизни России в середине XVIII века / В. А. Чикова // Научный диалог. — 2015. — № 12 (48). — С. 400—411.

УДК 322(47+57)“18”

Взаимодействие светского и церковного начал в общественной жизни России в середине XVIII века

© Чикова Виктория Александровна (2015), аспирант кафедры русской истории, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), chikovavika@mail.ru.

Поднимаются вопросы взаимопроникновения светских и церковных элементов в общественной жизни России XVIII века. Выполнен обзор существовавших тенденций общественной жизни, предпосылок их появления и форм проявлений. Сделан вывод о неоднозначности и сложности переплетения светского и церковного в российских реалиях того времени. Подчеркивается, что, с одной стороны, страна была вписана в общеевропейский контекст эпохи Просвещения, а с другой — исконно русские традиции глубокой религиозности и влияние Церкви на общество ещё не окончательно были утеряны. Анализируется не только противостояние этих тенденций, но и их слияние на русской почве. Церковь показана как консервативный институт, в то же время учитывающий настроения, царящие при дворе императрицы. Особое внимание уделяется личности Елизаветы Петровны. Автор указывает на совпадение устремлений священничества и деятелей Просвещения в борьбе с суевериями и невежеством. Отмечается, что взаимодействие этих двух начал даёт возможность появления таких понятий, как «языческое православие» и «православное просвещение», применимых в описании российской действительности середины XVIII века. Выводы проиллюстрированы архивными материалами.

Ключевые слова: Церковь и духовенство; Просвещение; Елизавета Петровна; Синод; суеверия; языческое православие; православное просвещение.

1. Введение

XVIII век на европейской части континента был веком Просвещения. Появление этого общественного и философского течения совершило переворот в Европе, а также затронуло и Россию. Философы этой эпохи сформировали представление об устройстве государства и общества, базирующееся на идея Просвещения, знания, учености и вере в силу прогресса.

Однако историческая реальность во многом не соответствовала представлениям философов и ученых. Построение общества и уклад жизни в России того времени во многом определялись традицией и поддерживались религиозностью существующего православного общества. «Двойственная политика Елизаветы, которая, с одной стороны, была открыта для контактов с иностранцами, а с другой — привязана к русским традициям, нарушала чёткую картину мира, созданную философами» [Лиштнен, 2004, с. 70].

2. Предпосылки взаимодействия светских и религиозных институтов России в середине XVIII века

В начале 50-х годов XVIII века на императрицу Елизавету Петровну оказывает большое влияние её молодой фаворит И. И. Шувалов, воспитанный на идеях западного Просвещения, покровитель культуры и искусств. Но при этом не стоит забывать о религиозности самой императрицы, которая очень почтительно относилась к Православной церкви, что было обусловлено её воспитанием под влиянием духовного наставника Фёдора Дубянского [Сочинения..., 1958, с. 339]. Развитие официального декларированного просвещения на государственном уровне достигнет своего апогея уже в царствование Екатерины II.

В середине XVIII века российское духовное ведомство относилось к новым европейским идеям с некоторой опаской. Представители духовенства должны были оградить свою паству от пагубного влияния, неверного и неправильного с точки зрения Церкви. Идеи прогресса не всегда укладывались в привычную теологическую картину мира, которой придерживалась Православная церковь в России. 9 декабря 1743 года был издан именной указ, запрещающий ввоз богословских книг, опубликованных за границей, а также перевод на русский язык иностранных богословских книг без разрешения Синода [Сборник..., № 8832]. То, что уже было издано, следовало цензурировать в Синоде. Все запретные книги предлагалось изъять и направить в Синод, а с указом ознакомить русских, находящихся за границей, «для обучения и прочих дел». Так, например, под запрет попала книга Арндта «Об истинном христианстве», изданная в 1735 году и распространённая в России. С мая 1745 года печатание списков с изображениями святых допускалось только по рассмотрении епархиальных архиереев [Алфавитный указатель..., 1896, с. 329].

Определенную власть духовенство имело и в светском учреждении, оплоте науки и образования — Санкт-Петербургской Академии наук. По регламенту 1743 года было установлено «для учащих при Академии в Университете иметь духовника и ученых иеромонахов, которые в субботу учат катехизису» [РГИА, ф. 796, оп. 31, д. 14, л. 1].

При Академии наук находилась типография газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В газете публиковались все указы, касающиеся как мирских, так и церковных дел, а также по воле императрицы печатались не только светские, но и церковные новости, информация о которых, конечно, подавалась в типографию представителями духовенства. В частности, в газету попадали указы о «воспринявших из иноверцев» православную веру [РГИА, ф. 796, оп. 34, д. 4, л. 29].

По мнению советских ученых, которое нельзя назвать объективным, Православная церковь тормозила социальный, научно-технический и культурный прогресс: противилась отмене в России крепостного права, выступала за сохранение телесных наказаний, осуждала стремление женщин к равноправию,

всячески мешала распространению знаний в массах. Как отмечал Е. Ф. Грекулов, церковь в союзе с самодержавием выступала в роли гонителя просвещения народных масс, в роли рассадника невежества. Истинным просвещением она признавала только просвещение, основанное на религии [Грекулов, 1962, с. 3]. Относясь враждебно к просвещению народа и развитию отечественной науки, Церковь часто была инициатором травли наиболее талантливых учёных.

Е. Ф. Грекулов также утверждал, что Синод и духовенство отрицательно относились к великому русскому ученому М. В. Ломоносову, исследования которого могли подрывать основы религии. Критике подвергалась концепция о множестве миров и гелиоцентрическая система мира [Грекулов, 1962, с. 130, 134]. Прорывом эпохи Просвещения в елизаветинское царствование становится открытие Московского университета на основе проектов, подготовленных М. В. Ломоносовым, при поддержке И. И. Шувалова.

При всей категоричности высказываний советского ученого нельзя не согласиться с его основным выводом: Церковь была консервативным институтом, который ревностно относился к изменениям в жизни общества и в мировоззрении своих прихожан.

3. Тенденции взаимодействия светского и религиозного начал в общественной жизни России в XVIII веке

Развитие идей Просвещения на православной почве шло непростым путём. В середине XVIII века эти тенденции были связаны как с объективными процессами общеевропейского характера, от которых Россия уже не могла закрываться, так и с некоторыми субъективными факторами, например влиянием отдельных образованных людей на представителей власти. Так, И. И. Шувалов смог провести ряд интересных и важных реформ в области культуры на основе идей просветителей. В царствование Екатерины Великой, просвещенной монархини, И. И. Бецкой смог дать практическое воплощение идеям Просвещения и организовать ряд учебно-воспитательных учреждений в России.

В связи с этим возникает вопрос: могла ли Церковь не реагировать на эти изменения или реагировать исключительно отрицательно?

Исследователи русской культуры конца XVII — XVIII веков обычно сосредотачивали свое внимание на обмирщении культуры. В результате православие не только оказывалось за рамками Просвещения, но и сознательно отстранялось от него как от чуждой для него светской культуры. Тем не менее исследования последних десятилетий показали, что православная церковная культура играла важную роль в формировании литературных образов, эстетических идеалов и философских концепций, а отношения православия со светской литературой представляли собой скорее диалог, чем противостояние.

В связи с этим представляется допустимым употребление термина «православное просвещение». В таком случае особый интерес вызывает вопрос о роли Церкви и формах участия духовенства в общественной жизни. Большое

влияние на интеллектуальную и общественную жизнь русского общества оказывали духовные школы, духовенство и выходцы из духовного сословия.

Духовенство составляло значительную часть пишущей и читающей публики. Труды Георгия (Конисского), Гавриила (Петрова), Евгения (Болховитинова), Платона (Левшина), протоиерея Петра Алексеева и других представителей ученого духовенства внесли огромный вклад в становление отечественной филологии, истории, педагогики и философии [Цапина, 2004, с. 303].

По-прежнему мало изученным остается вопрос о роли публичного богослужения: крестных ходов, праздничных служб, молебнов и других религиозных действий — в изменении публичного пространства.

Елизавета Петровна после долгого перерыва восстановила традицию своего деда, царя Алексея Михайловича, ходить на богомолье, особенно в любимый ею Троице-Сергиев монастырь. Эти богомолья — одна из ярких иллюстраций противоречий в характере Елизаветы. По традиции своих предков, выехав за последнюю московскую заставу, она выходила из кареты и шла к Троице пешком. Богомолья Елизаветы проходили несколько необычно. С дороги, по которой шла цесаревна (а позже императрица), сгоняли паломников, всех тех, кто ехал по делам. Елизавета двигалась в окружении своей свиты, придворных, кавалеров. За ними шли обозы. Наслаждаясь природой и приятными разговорами, она проходила в день 5—10 километров. Устав, она повелевала установить великолепные шатры со всевозможными удобствами и развлечениями. Несколько дней она могла отдыхать, развлекаться верховой ездой и охотой, а потом снова выходила на Троицкую дорогу и продолжала богомолье. Иногда она могла возвратиться отдыхать в Москву или в подмосковный дворец, посещать балы, а через несколько недель карета привозила её на то место, с которого она уехала, и продолжался путь к Троице.

В записях камер-фурьерских журналов сохранилось красочное описание первого богомолья, совершенного после того, как Елизавета стала императрицей. 25 июля 1742 года Елизавета вместе со свитой из Аннингофского дворца «изволила шествовать в село Мытищи», затем в село Братовщины, после обеда в этом селе «изволила воспринять путь обратно для отдохновения в Москву» [Камер-фурьерские журналы..., с. 2]. Через день она начала шествие от Москвы к селам Алексеевское и Пушкино и после этого прибыла в Братовщину. Далее шествие проходило ещё через 4 села, по пути следования были «поставлены ставки на лугу», на Красной горке (недалеко от Троице-Сергиева монастыря) императрицу встречала «в два ряда лейб-компания и была пушечная стрельба» [Там же, с. 4].

3 августа императрица прибыла в монастырь, встретила с архимандритом Амвросием и братией монастыря, посещала церкви, «изволила слушать молебное пение», присутствовала на всенощных. 5 августа после обеда она «изволила вернуться в Москву» [Там же, с. 5].

Однако сказать, что своеобразие этих богомолий имело причиной не-серьезное отношение Елизаветы к ним или лицемерие, было бы неверно. Е. В. Анисимов считает, что Елизавету нельзя было упрекнуть в показной вере.

Скорее всего, это была форма богомолья, наиболее удобная и гармоничная и для Елизаветы, и для того времени. Это было искреннее проявление истинной веры, но в соответствии с теми условиями, в которых находилась Россия в середине XVIII века, европеизированная реформами Петра; в какой-то степени в русле петровской религиозности, не несущей в себе церковности московской Руси.

Внешние проявления набожности, строгое соблюдение обрядности, присутствие на литургиях, требования, чтобы и вельможи посещали церковь в воскресные и праздничные дни, не являлись показной религиозностью. Императрица искренне исповедовала православие, верила его догматам.

Причудливые сочетания церковных праздников и светские формы их празднований, более похожие на развлечения, также отражали наиболее гармоничный для Елизаветы вариант исполнения догматов. Так, в 1753 году Елизавета указывает, как следует начинать празднование Пасхи: «В день святой Пасхи в соборе благовест, а потом и утреннюю начинать тогда, когда на Красной площади стрелять велено будет, а прочим церквям потом благовест начинать и утреннюю в то время в какое оно в соборе начинается, а прежде того не начинать» [РГИА, ф. 796, оп. 34, д. 176, л. 1]. В этом также проявилось сочетание светских новшеств и религиозного праздника.

Церковные иерархи старались соответствовать настроениям императрицы. По случаю приезда императрицы и наследника престола в Троице-Сергиев монастырь синодальный член архимандрит Арсений предложил, чтобы это событие было отмечено «краткими стихами и иллюминацией» [РГИА, ф. 796, оп. 25, д. 44, л. 1]. Стоит обратить внимание, что предложение выглядит вполне светским. Отмечать важные события иллюминацией — это традиция, введенная Петром и наиболее характерная для светских праздников и увеселений. Инициатива была одобрена, и московская типография напечатала стихи к приезду императрицы.

Согласно протоколу Синода, в декабре 1741 года был составлен личный список праздников императрицы (день рождения, день тезоименитства, день восшествия на престол) и побед русского оружия (Полтавская битва, сражения при Гангуте и Гренгамах, взятие Нарвы и тому подобные), которые должны были отмечаться в церквях бдениями, литургиями, молебнами и колокольным звоном [РГИА, ф. 796, оп. 209, д. 120, л. 23]. Так, например, годовщина коронации Елизаветы в 1744 году сопровождалась «трехкратной пальбой из пушек» [Журналы походные..., 1744, с. 39] и посвященным этому событию молебном.

Крестные ходы и праздничные службы стали важной частью городской жизни и при Екатерине II.

К середине XVIII века важное место в общественной жизни заняла церковная проповедь. Согласно церковной литературе, появившейся несколько

позднее, умелый проповедник был обязан учитывать интересы «градских очищеннойшаго ума и книги знающих прихожан» [Книга о должностях..., 1776, с. 37]. Проповеди знаменитых церковных риторов привлекали толпы слушателей из разных сословий [Цапина, 2004, с. 3]. XVIII век был богат духовными «витиями», которые изо всех сил старались использовать свой проповеднический талант для прославления царствующих особ. Множество проповедей было посвящено Елизавете [Амвросий, 1741, с. 5—14; Гедеон, 1882, с. 239; Гребневский, 1742, с. 10]. Один из обер-прокуроров елизаветинского царствования А. С. Козловский предлагал «синодальным членам и прочим проповедникам в печать издания учинить» [РГИА, ф. 796, оп. 42, д. 12, л. 1].

В некотором смысле задача и у православных иерархов, и у деятелей Просвещения была единая — бороться с невежеством и суевериями.

В религиозной и культурной истории России XVIII века борьба с суевериями занимала весьма примечательное место. Отношение к суевериям «не только разделило общество на “невежд” и “просвещенных”, но и стало мерилом принятия или отвержения новых философских идей, оно определяло религиозную политику властей в течение всего XVIII столетия», — отмечает Е. Б. Смилянская [Смилянская, 2004, с. 204].

В материалах сотен процессов, возбужденных тогда, под «суеверием» подразумевались волшебство и кликушество, почитание «ложных» чудес, «лжесвященных мест», источников, камней. В эпоху Просвещения на смену принятого в предшествующей церковно-учительной традиции церковного наказания и наставления пришли светское законодательство о «суеверии» и новый тип порицания со стороны общества. Церковь сообразовывала свои усилия с устремлениями формирующегося общественного мнения.

В середине XVIII века повседневная жизнь российских подданных была наполнена суевериями и предрассудками. Это можно проследить по документам, связанным с расследованиями дел духовного и бытового характера, в которых раскрывается вся полнота убеждений и верований, владевших умами людей.

Встречались и почти мистические ситуации. В 1743 году Синоду пришлось разбирать дело по донесению Киевского архиепископа Рафаила о «записавшемся бесу в служители» полковнике Илье Човпиле. Полковник сообщал, что он по совету своей знакомой Каленички пошёл ночью на распустье и кликнул беса, просил его о помощи во всём, потом кровью подписал бумагу и тем самым «записался князю бесовскому с душой и телом на тридцать лет» [Титов, 1908, с. 20—21]. По приговору церковного суда было решено заточить полковника в монастырь на 6 лет, чтобы он «приносил покаяния». Винодность подстрекательницы доказать не удалось (к тому же она скончалась).

С различными проявлениями суеверий старались бороться служители Церкви, зачастую действуя совместно со светскими органами власти. Об этом может свидетельствовать дело, переданное в 1752 году из Главной полицмей-

стерской канцелярии в Санкт-Петербургскую духовную консисторию «О наказании за ворожбу Антона Баженова, дворового человека Дементия Матвеева» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 3757]. Баженов ворожил не только себе, но и по просьбам других лиц, особенно женщин, и «чародействовал он 5 лет». За это в консистории было решено наложить на него церковную епитимию, чтобы виновный смог осознать свои заблуждения и исправиться, замолить грех или искупить его. Важно отметить, что это дело было рассмотрено в очень короткий срок — с 7 по 30 июля 1752 года. Большая часть дел разбиралась значительно дольше.

Ещё один случай мистического толка, столь же быстро решенный, произошёл в августе 1751 года. В церкви Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге после отправления божественной литургии в алтаре староста Василий Гутнов и сторож Захарий Мещанин нашли «два куска воску красного, один наподобие шара, а внутри письмо» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 3646, л. 1], а также «неведомых 4 корня, вырезанных наподобие треугольника» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 3646, л. 1]. За три дня (20—23 августа) было проведено расследование, изучены письмо и корни, допрошены нашедшие их. В результате староста и сторож были обвинены в том, что они сами принесли в церковь «заговорное» письмо и прочие колдовские атрибуты. Их отправили в Адмиралтейскую коллегию для принятия окончательно решения по делу и наказания.

Суевериям были подвержены не только представители низших слоёв, люди невежественные и малообразованные. Встречаются разбирательства, действующими лицами которых становились и церковные деятели, епископы и архимандриты. На протяжении четырёх лет (1754—1757 гг.) в Синоде шло расследование по доносу костромского епископа Геннадия на архимандрита костромского Богоявленского монастыря Андроника, обвиняемого им в противонравственных поступках и обращении к колдовству. Всё началось с прошения Андроника перевести его в другой монастырь по причине болезни. По этому вопросу было решено спросить мнение костромского епископа. Геннадий написал, что Андроник недостоин никаких побряжек и переводов, что «тот ведёт себя безнравственно и обращается к колдовству» [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 38, л. 4]. Кроме того, «чтоб стать настоятелем [он] обращался к волшебнице, обкрадывал монастырь, для ворожения снимал крест и приказывал другим» [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 38, л. 7]. Епископ Геннадий сообщал, что старался беседовать с Андроником, увещевать его, но «не при народе — чтобы искушений не было». Донос выглядит несколько странно: такой ревностный епископ не донёс в Синод о серьёзных проступках подчинённого. По «волшебному» делу началось следствие. До нас дошло множество черновиков допросов, в которых стороны обвиняют друг друга в ложных показаниях, оправдываются, пишут прошения на имя императрицы, рапорты в Синод. В деле отложились и отчёты дознавателей, которые работали в Костромской епархии [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 39, 40].

В декабре 1757 года следствие было окончено и вынесен вердикт: «Андронику объявить, что почётное [звание] архимандрит ему возвращено» [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 41, л. 105], то есть архимандрита сочли невиновным и вернули ему сан. Епископа же Геннадия обвинили в ложном доносе, сначала оштрафовали, а затем лишили сана. Было велено «оставить его помогать священнослужителям исправлять потребности» [РГИА, ф. 796, оп. 205, д. 41, л. 153].

Предрассудки бытовали и в императорском дворце. Императрица Елизавета Петровна была крайне суеверна, и её страхи находили отражение в указах, которые приходилось исполнять подданным. Известно отношение императрицы к умершим и похоронным процессиям, особенно в последние годы её жизни. Это находит подтверждение в донесении в полицмейстерскую канцелярию генерал-адъютанта А. Б. Бутурлина 6 ноября 1755 года: «Её Императорское Величество указать соизволила через полицию здесь в Петербурге нужно объявить что никто мёртвых для погребения мимо Зимнего её императорского величества деревянного дворца не носили как и по першпективе, так покойников обносить другими улицами» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 4078, л. 1]. Также по распоряжению императрицы регламентировался вид самих процессий и особенности траурных одежд. В 1751 году Петербургская духовная консистория получила повеление, которое должна была распространить по всем церквам и другим подчинённым местам для всенародного оглашения: «Погребальные церемонии отставить, и в домах траурными обоями не обивать, карет и шор черным сукном не обшивать и лошадей чёрными попонами не накрывать и прочих траурных уборов не употреблять, ливреи черные никому не иметь, разве только в день погребения и то кто желает, а после того отнюдь никому не употреблять. Но усмотрено что в противном тех указов многие употребляют глубокий траур яко то платье с плезазами и флеры, чего ради её императорское величество всемилоостивейшие указать соизволила именованным высочайшим указом публиковать, дабы никого в резиденции никого звания люди (кроме чужеземных послов и министров и их служителей) как при погребениях умерших, так и после глубоких трауров не носить... кто хочет, носил бы мужеского пола суконное платье, а женского пола из шёлковой материи... от того полиции накрепко смотреть» [ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 1, д. 3629, л. 2]. Подобные предрассудки, обращение к традиционным дохристианским обрядам, отход от догматов официальной Церкви позволяют говорить о проявлениях «языческого православия».

Так или иначе, но борьбу за очищение веры вели и Церковь, и государство. Очевидна эволюция самих наказаний за нарушение догматов и отступления от веры. В начале XVIII века было принято пользоваться Соборным уложением, согласно которому наказание за суеверия были очень жестоки, вплоть до смертной казни. Такие факты приводились в советских исследованиях [Гре-

кулов, 1964, с. 25, 34]. Однако уже в середине того же века при Елизавете Петровне разбирательства подобных дел чаще всего заканчиваются тем, что виновного отправляют в монастырь для «исправления в разуме», да и смертных приговоров Елизавета Петровна никогда не подписывала, заменяя их ссылкой, тюремным заключением, заключением в монастыре [РГИА, ф. 796, оп. 34, д. 15; оп. 39, д. 15].

Мероприятия духовной и светской власти по ужесточению репрессий против «суеверов» не принесли желаемого результата, но зато красноречиво показывали, что православие и Просвещение могут переплетаться и формировать если не единую философскую картину мира, то, по крайней мере, служить основанием для развития общественной мысли в России.

Как считает А. С. Лавров, любое общество сочетает в себе и рациональное, и мистическое: «Любое общество обладает определенными эмпирическими знаниями — медицинскими, психологическими, техническими. Магические действия не подменяют реальных, они просто производятся одновременно с ними» [Лавров, 2000, с. 89]. Это утверждение точно характеризует русские реалии середины XVIII столетия.

4. Выводы

В России как части европейского сообщества идеи эпохи Просвещения нашли свое развитие, что дало толчок развитию культуры, искусства и науки. Взаимоотношения Православной церкви и интеллектуальной мысли в середине XVIII века складывались неоднозначно и порождали различные тенденции в российском обществе.

На современном этапе развития исторической науки, сопоставляя реальность повседневной жизни России и философию эпохи Просвещения, можно говорить о таких явлениях, как «православное просвещение» и «языческое православие». Церковь, как один из самых консервативных социальных институтов, долее, чем другие, приспособлялась к новым веяниям, но и она была подвержена их влиянию, вынужденная взаимодействовать. Середина XVIII века становится рубежным периодом, после которого Православная церковь уже не сможет игнорировать светские идеи Просвещения. В то же время ни православные иерархи, ни светские нововведения не изжили полностью языческие корни в народной культуре и повседневной жизни. Пропасть между знатными, европейски образованными слоями населения и простолюдинами становилась всё заметнее. Передовые дворяне увлекались на западный манер философией и науками, а жизнь крестьян была овеяна преданиями старины и суевериями. При этом большинство подданных Российской империи были православными. Наложение официальной государственной религии, которая играла роль основы национальной самоидентификации, на культурные и бытовые особенности жизни разных слоев обусловило появление «православного просвещения» и «языческого

православия». Это создавало широкий спектр возможных взаимодействий светского и церковного начала в общественной жизни России в середине XVIII столетия.

Источники и принятые сокращения

1. *Алфавитный* указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего правительствующего синода (1721—1895 г. включительно) и гражданских законов, относящихся к Духовному ведомству православного исповедания. — Харьков : Дарре, 1896. — 368 с.

2. *Амвросий (Юшкевич)*. Слово в высочайший день рождения благочестивейшая самодержавнейшая великия государыни нашей императрицы Елисаветы Петровны всея России декабря 18 дня, 1741 г. проповеданное Амвросием архиепископом новгородским в Санкт-Петербургской церкви Ея Императорского величества. — Петербург : При императорской Академии Наук, 1741. — 16 с.

3. *Гедеон (Криновский)*. Собрание поучительных слов при высочайшем дворе сказанных придворным проповедником бывшим попом епископом Псковским и святейшего правительствующего Синода членом Гедеоном : в 6 частях. — Москва, 1882. — Ч. 5. — 253 с.

4. *Гребневский Пётр*. Слово в высокаторжественный день коронации Ея Императорского Величества благочестивейшая самодержавнейшая великия государыни наша Елисаветы Первья императрицы всея России проповеданное в придворной церкви Ея Императорского Величества Петропавловского собора священником Петром Гребневским. В Санктпетербурге 1742 года апреля 25 дня. — Петербург: При императорской Академии Наук, 1742. — 15 с.

5. *Журналы* походные и церемониальные-банкетные, 1744 года. — Санкт-Петербург : Министерство Императорского Двора, 1744. — 144 с.

6. *Камер-фурьерские журналы* 1742 года : журнал Троицкого походу 1742-го году. — Санкт-Петербург : Министерство Императорского Двора, 1855. — 27 с.

7. *Книга* о должностях пресвитеров приходских. — Санкт-Петербург, 1776.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив (Ф. 796 — Архив Канцелярии Синода).

9. *Сборник* законоположений и распоряжений по духовной цензуре Ведомства православного исповедания с 1720 по 1870 гг. — Санкт-Петербург, 1870. — 234 с.

10. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Ф. 19 — Петроградская консистория).

Литература

1. *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна / Е. В. Анисимов. — Москва : Молодая гвардия, 2005. — 426 с.

2. *Грекулов Е. Ф.* Православие — враг просвещения / Е. Ф. Грекулов. — Москва : Изд. Академии наук СССР, 1962. — 190 с.

3. *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России / Е. Ф. Грекулов. — Москва : Наука, 1964. — 167 с.

4. *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России 1700—1740 гг. / А. С. Лавров. — Москва : Древлехранилище, 2000. — 572 с.

5. *Лиштенан Ф.-Д.* Русская церковь XVIII в. глазами западных наблюдателей: политические и философские аспекты / Ф.-Д. Лиштенан // Европейское Просвещение и цивилизация России. — Москва : Наука, 2004. — С. 65—76.

6. *Смилянская Е. Б.* «Суеверия» и рационализм властей и подданных в России XVIII в. / Е. Б. Смилянская // Европейское Просвещение и цивилизация России. — Москва : Наука, 2004. — С. 204—211.

7. *Сочинения* : в 8 томах : том IV : Курс русской истории : часть 4 / В. О. Ключевский. — Москва : Изд. социально-экономической литературы, 1958. — 420 с.

8. *Титов А.* Священный Синод в первой половине восемнадцатого века в описаниях документов и дел, хранящихся в архиве священного Синода / А. Титов — Ярославль, 1908. — 21 с.

9. *Цапина О. А.* Православное Просвещение — оксюморон или историческая реальность? / О. А. Цапина // Европейское Просвещение и цивилизация России. — Москва : Наука, 2004. — С. 301—313.

Interaction between Secular and Religious Principles in Russian Public Life in the Middle of XVIII Century

© **Chikova Viktoriya Aleksandrovna (2015)**, post-graduate student, Department of Russian History, A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia), chikovavavika@mail.ru.

The problems of the interaction between secular and religious elements in public life of Russia of the XVIII century are covered. The review of the existing trends of social life, the preconditions of their appearance and their forms is made. The conclusion is made about the ambiguity and complexity of the intertwining of secular and church in the Russian realities of that time. It is emphasized that, on the one hand, the country was inscribed within a pan-European context of the age of Enlightenment, but on the other hand, primordial Russian traditions of deep religiosity and the Church's influence on society were not completely lost. Not only the confrontation of these trends is analyzed, but also their merger on Russian ground. The Church is shown as a conservative institution, at the same time taking into account the mood at the court of the Empress. Special attention is paid to Elizaveta Petrovna's personality. The author points to a convergence of aspirations of priesthood and leaders of Enlightenment in the fight against superstition and ignorance. It is noted that the interaction of these two principles enables the emergence of concepts such as "pagan Orthodoxy" and "Orthodox Enlightenment", applicable in the description of the Russian reality of the mid-eighteenth century. The findings are illustrated with archival materials.

Key words: Church and clergy; Enlightenment; Elizaveta Petrovna; Synod; superstitions; pagan Orthodoxy; orthodox Enlightenment.

References

- Anisimov, E. V. 2005. *Elizaveta Petrovna*. Moskva: Molodaya gvardiya. 426. (In Russ.).
- Grekulov, E. F. 1962. *Pravoslaviye — vrag prosveshcheniya*. Moskva: Izd. Akademyi nauk SSSR. 190. (In Russ.).
- Grekulov, E. F. 1964. *Pravoslavnyaya inkvizitsiya v Rossii*. Moskva: Nauka. 167. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. O. 1958. *Sochineniya: v 8 tomakh. IV: Kurs russkoy istorii, 4*. Moskva: Izd. sotsialno-ekonomicheskoy literatury. 420. (In Russ.).
- Lavrov, A. S. 2000. *Koldovstvo i religiya v Rossii 1700—1740 gg*. Moskva: Drevlekhramilishche. 572. (In Russ.).

- Lishtenan, F.-D. 2004. Russkaya tserkov' XVIII v. glazami zapadnykh nablyudateley: politicheskiye i filosofskiyе aspekty. In: *Evropeyskoye Prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii*. Moskva: Nauka. 65—76. (In Russ.).
- Smilyanskaya, E. B. 2004. «Suyeveriya» i ratsionalizm vlastey i poddannyykh v Rossii XVIII v. In: *Evropeyskoye Prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii*. Moskva: Nauka. 204—211. (In Russ.).
- Titov, A. 1908. *Svyashchenny Sinod v pervoy polovine vosemnadtsatogo veka v opisaniyakh dokumentov i del, khranyashchikhsya v arkhive svyashchennogo Sinoda*. Yaroslavl'. 21. (In Russ.).
- Tsapina, O. A. 2004. Pravoslavnoye Prosveshcheniye — oksyumoron ili istoricheskaya realnost'? In: *Evropeyskoye Prosveshcheniye i tsivilizatsiya Rossii*. Moskva: Nauka. 301—313. (In Russ.).